

УДК 882
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
К26

Рецензенты:

канд. филол. наук *Л. Н. Киселева*
(Тартуский университет (Эстония)),

канд. филол. наук *А. Ю. Балакин*
(Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН)

К26 Carpe diem: профессору Александру Анатольевичу Карпову ко дню семидесятилетия / под ред. Е. Н. Григорьевой, Н. А. Гуськова, Н. А. Карпова, Е. М. Матвеева. — СПб.: ООО «Издательство «Росток»», 2021. — 490 с.

Настоящий сборник посвящен 70-летию заведующего кафедрой истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета Александра Анатольевича Карпова. Сборник содержит научные статьи, написанные коллегами, друзьями и учениками юбиляра. Публикуется также полный библиографический указатель научных трудов А. А. Карпова.

Издание адресовано литературоведам, лингвистам, студентам-филологам, а также всем интересующимся проблемами истории русской литературы.

ISBN 978-5-94668-343-2

- © Авторы статей, 2021
- © Санкт-Петербургский государственный университет, 2021
- © ООО «Издательство «Росток»», 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Carpe diem» посвящен очень важной для русистики дате, ознаменовавшей сразу два события: в 2021 году исполняется 70 лет со дня рождения профессора Санкт-Петербургского государственного университета Александра Анатольевича Карпова, в этом же году исполняется 15 лет его руководству кафедрой истории русской литературы. А. А. Карпов был избран заведующим кафедрой в конце 2006 года (а до этого неоднократно в разных ситуациях исполнял обязанности заведующего). Совпадение этих двух памятных событий не случайно. Необходимо сказать, что именно как руководитель литературоведческой кафедры, столь именитой в истории российских университетов, А. А. Карпов сделал и сейчас делает исключительно много. Все эти годы он с постоянством и настоящим мужеством защищал кафедру перед лицом администрации, деятельность которой, к сожалению, не всегда идет на пользу университетской жизни. В этом проявляется забота Александра Анатольевича о кафедре, о каждом ее сотруднике и — одновременно — о российском образовании и науке в целом. Следует отметить, что А. А. Карпову присущ особый, только ему свойственный, стиль руководства, администрирования: стиль этот профессор М. В. Отрадин удачно охарактеризовал формулой «не надо громко». Все проблемные ситуации, неизбежно возникающие при управлении большим и очень разнообразным коллективом, решались и решаются им спокойно, в высшей степени деликатно и компромиссно. Он всегда с большой ответственностью и вдумчивостью подходил к вопросу об обновлении штата. Целый ряд ярких ученых и преподавателей появились на кафедре в последние пятнадцать лет. Важным представляется и то, что Александр Анатольевич, отчасти возвращаясь к тради-

[058941]

Межтекстовые отношения
в русской литературе
первой трети XIX века
(электив)
Intertextual relations
in Russian literature
of the first third of the XIX century
(elective course)

И. Э. Васильева *

ПЛАТА ЗА НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ,
ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОГО НЕУДАЧНОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЕКТА

Ключевые слова: русская периодика начала XIX века, повседневная культура, М. Н. Макаров, литературный проект, «Журнал для милых», женские журналы.

«Журнал для милых» (1804 г.) — это литературный проект группы молодых людей. Уровень его литературной продукции был довольно низок, что вызвало заслуженную критику современников. Вместе с тем неудачи данного проекта демонстрируют, каким образом непосредственное и буквальное понимание карамзинских принципов «нового слога», соединяясь с традициями развлекательных изданий и сатирической журналистики XVIII в., переплавлялись в повседневную культуру средних слоев дворянского общества, составляющую необходимый фон для высокого искусства.

«Журнал для милых, издаваемый молодыми людьми» выходил в течение 1804 г. в Москве. Печатался сначала в университет-

* Васильева Ирина Эдуардовна, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. Электронная почта: i.vasileva@spbu.ru, iren.vasilyeva@gmail.com.

ской типографии, а затем в типографии Кряжева и Мея. Издателями журнала были молодые люди в буквальном смысле этого слова. Инициатору и, по-видимому, вдохновителю этого проекта, Михаилу Николаевичу Макарову на момент начала издания журнала едва исполнилось 18 лет, еще двое авторов-издателей С. И. Крюков и И. В. Смирнов были его немногим старше (подробнее см.: Степанов 1994). Из всех четверых не только самым опытным, но и впоследствии самым успешным издателем был князь Петр Иванович Шаликов. Его участие как автора в этом журнале минимально. Весьма вероятно, что главная задача Шаликова состояла в обеспечении возможной протекции для данного издания и ангажировании подписчиков. Молодость авторов, скромность их литературного дарования, непричастность к столичным аристократическим кругам, незначительное число подписчиков (менее двухсот, что означало небольшой тираж), непродолжительность издания — все это способствовало тому, чтобы журнал прошел почти незамеченным. Однако в реальности получилось иначе. В «Северном вестнике» И. И. Мартынова были опубликованы две отрицательные рецензии на это издание, причем вторая, подписанная «Я—» (Д. И. Языковым — постоянным критиком «Северного вестника»), была поистине разгромной (Языков 1804: 259—261). Впоследствии общую отрицательную оценку Языкова, иногда в чуть более мягкой форме, воспроизводили все, кто писал про «Журнал для милых», начиная с последней трети XIX в. (Булич 1902: 109—110¹; Максимов 1904; Покровский 1905). Так за журналом закрепилась репутация издания эпигонского и, если не откровенно безнравственного, то лишеного вкуса и чувства меры (РПП 1959: 111). Но даже если эта характеристика вполне оправдана, то для нашего понимания эпохи история «проигравших» не менее важна, чем история «победителей», если использовать знаменитые метафоры В. Бенямина (Беньямин 2000: 228—236).

Действительно, литературная продукция «Журнала для милых» далека не только от высокого искусства Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева или П. И. Макарова, но даже от творений их менее известных современников — кн. П. С. Гагарина, кн. Г. А. Хован-

¹ В предисловии от издателя отмечено, что «Очерки...» представляют собою курс лекций, который проф. Н. Н. Булич читал студентам Казанского университета в 1872—1873 гг.

ского, А. В. Лопухина, А. В. Аргамакова и др. Нетрудно убедиться, что оценка Языкова, который отказывал журналу в каких-либо литературных достоинствах, выглядит вполне оправданной. Большинство стихотворений, опубликованных в журнале, больше напоминает любительское рифмование. Так, стихотворение «Не любить нельзя?» представляет собой характерный для этого издания пример любовной лирики. Оно начинается сетованием на неразделенное чувство: «Напрасно страсть стараюсь / Из сердца истребить, / Ах, тщетно тем ласкаюсь / Могу ль престать любить» и завершается мотивом смерти от любви: «Когда бы ты покорно / Рассудку было навсегда, / Была бы и я тобой довольна; / И не желала б смерти никогда»². Показательно, что не только ритмическая стройность, но даже само наличие банальной рифмы для этой поэзии факультативно. Вот так выглядят финальные строфы стихотворения «К Моему сердцу» (№ 3: 163–164, подп.: К**въ. Ср*въ):

А когда не согласится
На размен она такой;
То и ты должно скрепиться
И ея навек забыть.

Бедно сердце! сердце нежно,
Сколь ты будешь тосковать?
Разве хладна смерть косою
Нить мучений пресечет.

Примерно такого же уровня и прозаические фрагменты. В них присутствует очевидное стремление к ориентации на общий для сентиментализма в целом шаблон «чувствительного», повышенно эмоционального стиля: «<...> жестокая Лиза, ты мне изменила! где твои клятвы? ты позабыла ту любезную благословенную рожицу, в которой я в первый раз прижал тебя к сердцу своему, в которой ты поклялась навеки быть моею и, изменница, где твои клятвы?» («Лиза! где твои клятвы?», № 1: 9, (подп.: И...); курсив оригинала — И. В.). Говорить о влиянии Карамзина, апеллируя к характерной топики (роща и проч.), можно лишь с учетом ис-

² Журнал для милых. 1804. Ч. 1, № 1. С. 12–14. (подп.: О. ф. р.). В дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию с указанием в тексте названия произведения, номера журнала и страницы. Цитаты приводятся с учетом правил современной орфографии и пунктуации.

ключительной популярности знакового текста этой эпохи — повести «Бедная Лиза». Еще меньше оснований видеть в этих текстах пример следования принципам карамзинского «слога». В произведениях «Журнала для милых» из целого карамзинской поэтики, существующей как сложное единство эстетического, тематического, этического и языкового (см., напр.: Виноградов 1935: 202–206; Кочеткова 1994: 75–154), неизменно присутствует только тема — чувство, но и она далека от тонкого варьирования и детальной разработки. Экспрессия, «громкость», передаваемая восклицаниями, междометиями, повторами, градацией — вот показатели истинности и глубины переживаемой эмоции. Не слово, но жест — словесный или физический — основной инструмент для выражения чувства. Отсюда такое изобилие «театральных» сцен. Так, в прозаическом фрагменте «Анюте» герой решает застрелиться, потому что возлюбленная разлюбила его. Однако главным предметом изображения оказываются не переживаемые им чувства, а детализированное воображение картины — как гроб его пронесут мимо ее окон:

Милая Анюта! В последний раз тебя так имяную, ты более не узришь меня лежащего как перед кумиром у ног твоих; но увидишь гроб мой, провезенный мимо окон дома твоего, он не будет обит ни парчею, ни бархатом, а будет простой дощатый. Спросишь, может быть, кто это был? — «Человек едва расцветший скончал несчастным образом жизнь свою, — скажет тебе худощавый в черном фраке, с растрепанными волосами, с заплаканными глазами молодой человек. — Сударыня! Непреклонность твоя причиною смерти нашего барина, нашего благодетеля». Ибо это будет мой камердинер. Но ты, если узнаешь, что это я, вздохнешь и вздох твой почувствует душа моя; я буду мыслить, если б не застрелился, моя бы Анюта не вздохнула обо мне. Прощай. Пистолет на столе, заряжен, рука не трепещет, приставит оной к груди моей. Прости в последний раз — не пропусти деревянного гроба, который повезут мимо окон твоего дома. Вздохни, но что я говорю! Я не достоин твоего вдоха, твоих слез («Анюте», № 2: 66–68, подп.: И.)

Низкий уровень литературной продукции объясняется несколькими причинами. Во-первых, издание журнала предприняли молодые люди без опыта как издательской деятельности, так и литературной. У них не было ни детально продуманной про-

граммы, ни четко осознанной эстетической позиции — они руководствовались энтузиазмом молодости. Фактически, единственная сформулированная цель этого проекта — доставить удовольствие «милым». Об этом прямо заявлено в объявлении об издании журнала³, и в специальном тексте от издателей, помещенном в конце первого номера, датированным 31 декабря 1803 года и красноречиво озаглавленном «Жертва милым»:

Любезные соотечественницы! Вот жертва наша. Она, как мы думаем, не совершенна: но надеемся, что ваши нежные чувствования, ваши прелести ее довершат. Мы счастливы, что и сим жертвуем, наше удовольствие, наше благо в том состоит, что мы посвятили свои труды вам; и когда удостоимся благоволения вашего, то ни злоба, ни клевета более не посмеют черным ядом своим угрожать нам. Шлемом будет красота, оружием прелесть, а слово ваше везде победою. Впрочем, благодаря сотрудникам и сотрудникам нашим, закрываем сию первую книжку, ожидая впредь лучшего. Постараемся сии труды наши приводить в совершенство, сколь наш разум и наши дарования позволят. Теперь остается сказать, что всякое дело сначала бывает трудно (№ 1: 57—58).

Таким образом, один из приоритетных критериев отбора — гендерный, а не эстетический признак. В журнале публиковали практически любые тексты, если автором их была женщина. Стремление не только писать для *милых*, но и видеть *милых* среди авторов ясно прослеживается, начиная с объявления об издании журнала: «Мы будем с удовольствием помещать приличные нашему Журналу пьески, и надеемся, что на первые наши книжки нежные Господа Авторы кинут по цветку своих произведений» (Цит. по: Максимов 1904: 10).

Но более показателен другой пример. В первом номере журнала была помещена повесть «Любим и Катерина» (31—43) с пометой «перевод с французского». В третьем номере — ответ издателей неизвестному критику. Судя по ответу, критиком была женщина, сетовавшая на неуместное, с ее точки зрения, изменение имен оригинала. Издатели ответили, что для них желание переводчицы, — закон: «...прелестная девушка просила нас, что-

³ «С ревностною охотою, желая угодить любезным нашим соотечественницам, предпринимает издавать “Журнал для милых”» («Объявление об издании журнала» // Московские ведомости. 1803. № 71. — Цит. по: Максимов 1904: 9).

бы мы ее (повесть — И. В.) поместили так, как ей было угодно, с переменными именами» (№ 3: 175—176). Примечательно, что помимо ответа критику издатели помещают еще и стихотворное извинение, которое завершают такие строки:

И льзя ли угождать
Стихом простым, не красным.
Те в шутку могут что принять,
Другим то кажется соблазным.
Мы все решились представлять
Тебе, о милой пол прекрасной!
Изволь в журнале сем читать
Что нравно с чувствием согласно
(№ 3, 178—179).

Стихотворный текст далее пояснен прозой: «Вот наше небольшое мщение милому критику, которое некоторым образом относится и к другим. Мы не обязались себя выдавать за высоких, подобно издателям, о имени коих мы умалчиваем, а обязались доставлять прекрасному полу что-нибудь такое, что будет по нашим силам и разуму» (№ 3: 179, подп.: Издатели). Среди прочих текстов, где и для издателей автор скрывался под псевдонимом или не принадлежал к числу «милых», тоже нет оснований предполагать строгий подход⁴. Иными словами, не эстетическое совершенство и изящество текстов, но ориентация на особую целевую аудиторию постулировалась как основная идея этого журнала.

Во-вторых, издатели скорее испытывали недостаток материала, а не избыток предложений. Как следствие, они вынуждены были сами выступать в качестве постоянных авторов и сочинять быстро, «на срок». Косвенно это доказывает текст обращения к читателям, который был помещен в последнем, двенадцатом номере и сообщал о прекращении журнала: «Но писать на срок для Публики, делать разные неудовольствия одному из удовольствия тысячам — это самая жестокая должность. Мы ее оставляем... <...> Целый год быть заперту в клетке, иметь сообщество с одни-

⁴ Возможно, отбор был несколько ужесточен после сокрушительной критики Языкова. В девятом номере журнала было опубликовано «Уведомление», где перечислены 17 не принятых к публикации произведений, поскольку «несообразны плану нами издаваемого журнала или другие какие причины принуждают нас не выполнять удовольствие приславшего» (№ 9: 196).

ми перьями и бумагой <...> Наконец мы и на воле. Заклинаем себя обязываться делать на срок <...>» (№ 12: 377, 379, 380).

Наконец, уровень журнала объясняется отсутствием у Макарова и его соиздателей литературного опыта и, как был уверен Языков, литературного дарования. «Если бы писан он ("Журнал для милых" — И. В.) был только дурным слогом (как и в самом деле), если бы только каждая строка показывала невежество как в своем, так и в иностранных языках (как и в самом деле), если бы заключал в себе один только вздор, не наносящий никакого вреда — (к несчастью и такой вздор в этом журнале редко попадает) — если бы он только этим был наполнен, то я не сказал бы ни слова», — писал критик (Языков 1804: 260). Однако как таковое невысокое качество литературной продукции вполне обычно и приемлемо для развлекательного журнала. «Удовольствие милых» — критерий весьма расплывчатый и с неизбежностью предполагает субъективную трактовку как издателей, так и самих «милых» читательниц. В этой ситуации журнал, казалось бы, выбирает наиболее бесприоритетный вариант из всех возможных. Удовольствие понимается как приятное и вместе с тем практически полезное чтение. Поэтому большую часть стихотворных произведений журнала составляют тексты функциональные. Это поздравительные стихи («На рождение Е. А. Н.»: «В угрюмом Сентябре ты, Лиза, в свет родилась, / Но как мила, тиха, нежна; / Природа, думаю, с тобой уговорилась, / Чтобы ты и осенью ея была весна: / И коль завиден тот счастливец, / Кто сей весны любимец!»; № 1: 43—44, подп.: Anonimus,) и переделки текстов известных песен. Так, «Песня (Я сейчас пришел с почтового двора...)» имеет примечание: «Сия песня сочинения в подражание: "Получил письмо от девушки сейчас". Сочинитель, зная многих милых девушек, поющих ее в старом малоприятном вкусе, сообразуясь с голосом, дал новый вид. Который и жертвует» (№ 1: 7, подп.: Гавриил Петъ.). Переделки песен, видимо, один из самых популярных жанров. Такие примеры можно найти практически в каждом номере.

Очевидную развлекательную функцию имеют анекдоты про гасконцев, переведенные с французского⁵, или ребусы и шарады,

⁵ Однажды сказали Гасконцу, что две статс-дамы передрались до крови. «Хороши ли они?», — сказал он в отчаянии. — «Нет, они отвратительны». — «Фу! — закричал Гасконец, — так они себя не обезобразили» (№ 7: 36, подп.: М. М*ровъ).

которые публиковались в каждом номере, а также экспромты⁶ и игровые стихи: «Придти ко мне в лесок Анюта не забудет?.. будет/ Кто мне отвечает, ты ль, милая моя? ... Я» и т. д. («Эхо к А**», № 7: 7).

К информационно-развлекательной группе можно отнести новости и полезные советы. Новости представляли собой небольшие сообщения разнообразной тематики со ссылкой на «Journal de Dames et de modes»: «Красота и приятность должны между собою согласоваться. Милая женщина должна говорить кавалеру тоном просящего милостыни нищего и всегда произносить благодарность таким образом: "Много обязана, любезной капитан"» (№ 3: 171). Из полезных советов наиболее примечательны опубликованные в седьмом номере примерные годовые бюджеты для девушек и дам разных возрастов и статусов — от «молодой щеголихи» до «деревенской старухи» («Что должно проживать в год женщинам», № 7: 42—49). В этих реестрах расписаны все обязательные позиции бюджета для каждой группы, сумма годовых трат по каждой позиции и общий годовой итог. Так, 18-летняя светская девушка, живущая в столице, может тратить в год 55 тыс. 743 руб., для сравнения — ее отец и мать могут потратить в год 30 тыс. на себя, 5 тыс. на непредвиденные расходы дочери; почтенная бабушка или тетушка «молодой щеголихи» на подарки своей фаворитке, внучке или племяннице может в год потратить до 10 тыс. руб., на свое содержание — 3 тыс. руб., а на свои прихоти — 150 коп.; годовой бюджет всегда живущей в городе старухи составит 2 206 руб. 25 коп., включая парики из козьей шерсти (200 руб.) и очки (5 руб.); а вот молодая деревенская барышня, как и деревенская старуха, могут обойтись всего 125 руб. в год.

Весь этот разнообразный материал мог и должен был служить для практического применения. Его можно было использовать в дружеском кругу, во время приема гостей, на именинных обедах и проч. Это литература не для великосветского салона, не для демонстрации тонкости вкуса и не для исключительных ценителей изящного, но для гостинной «средней руки». И такая гости-

⁶ «На ленность Л**»

Всем Лиза нравится — ленится ей не грех.
Пусть свет по Лизе и вздыхает!

Она собой пленила всех. —

Победы после всяк, конечно, отдыхает» (№ 7: 31).

ная, конечно, ориентируется на высокий — и в плане социального статуса, и в плане эстетическом — образец, но модифицирует его «под себя», под свои запросы и возможности. В этом смысле журнал в большей степени продолжает традицию развлекательных изданий XVIII столетия (таких как «Приятное и полезное препровождение времени»), чем развивает линию Карамзина.

Другую группу текстов составляют преимущественно любовные стихотворения и различные прозаические фрагменты, частью — оригинальные, частью — вольные переводы из иностранной литературы. Они представляют собой типичные примеры произведений в духе массовой сентиментальной словесности. Но среди них встречаются и такие, авторы которых то ли не вполне знают «правила», то ли не вполне умеют им следовать. Тогда сквозь образ условного чувствительного героя и «готовых» слов для его описания начинает просвечивать непосредственная эмоциональная реакция и живое, не трансформированное по законам литературной эстетики чувство. Так, в первом номере журнала опубликовано стихотворение под примечательным названием «Быль» (№ 1: 50—53, подп.: А. Х—а). Его сюжет не отличается оригинальностью: сомнения, любовь, ее утрата, страдания. Однако в интонациях и выражениях часто проскальзывает разговорное живое слово, за которым видится реальная человеческая история, а не условный мир литературного бытия.

Долго, долго сомневалась
Что мне делать, как мне быть!
Наконец, я попыталась
Алексашу полюбить.

...
Алексашу полюбила:
Алексаша таял, млея,
Я в нем что-то находила,
Он во мне все, все нашел.

...
Я была ему предлогом
Каждых действий, каждых чувств;
Но сердец в разборе строгом
Много надобно искусств.

Лишь я Саше мной плененну
Руку, сердце отдала,

Вдруг — ждала ли ль — возрожденну
В нем Эхидну я нашла.

Обожаемой кумиры,
Розы нежные цветы;
Берегитесь, и — Зефиры —
Рвут небесны красоты.

Некогда с слезою лестной
Он сказал: люблю тебя;
Буду я супруг твой — вечной;
Буду, Лиза, — жди меня.

Жду — уж год — померк луч лестной;
Нет тирана моего.
Мне же суждено — ток слезной
Проливать и — ждать его.

Сердце, ты меня учило:
Полюбить и — разлюбить;
Я любила, разлюбила,
Научи же — не любить.

Именно нарушение принятых в высокой литературе границ, а не столько «стиль» или «слог», вызвало гнев и яростную критику Языкова: «После чего что можно сказать о *журнале для милых*, наполненных развратнейшими картинками, на которые не только женщина, но едва ли и всякий мужчина долго смотреть в состоянии? <...> Ссылаюсь на всех цензоров нравственности, на всех воспитателей и учителей юношества, не достойна ли такая книга предана быть на всеобщее поругание; ибо развращая неопытную юность, наносит тем величайший вред Государству» (Языков 1804: 259, 260; курсив оригинала — И. В.). Причиной гнева были прежде всего две повести — «Победа над нимфами» (№ 2: 96—105, подп.: — * * —, помет: с французского, Митава, 1803. Декабря 5 дня) и «Аннушка. *Сельская повесть*» (№ 3: 140—146, подп.: <40—а. 40—ъ>). Наиболее непристойной критик считал «Аннушку», где нравственность юношества уязвляли не только недопустимые подробности в изображении сферы телесного, но и логика сюжета в целом. Возмущение Языкова вызвали прежде всего три вещи. Во-первых, чтение юной девушки, которое, конечно, не соответствовало никаким канонам приличия. Предоставлен-

ная преимущественно самой себе, она читает не Ричардсона и Руссо, но «Фобласа» и «Терезу-философа». То, что эти два очень популярных французских романа XVIII века, имевших полулегальный статус благодаря большому количеству откровенных сцен, находились в библиотеке Аннушкиного отца, факт, с точки зрения повседневной культуры, вполне обыкновенный⁷. И то, что с этими романами могли быть знакомы не только почтенные мужи, но и их супруги и дочери, тоже, весьма вероятно, факт не редкий. Однако, и с позиции карамзинской школы⁸, и с позиции «Северного вестника», этот факт не мог стать фактом *литературной* реальности. Упомянуть о таких произведениях в изящной словесности было в равной степени и безвкусно (в понимании карамзинистов), и неприлично (в понимании Языкова) — тем более, в журнале для «милых».

Во-вторых, эта повесть нарушала границы между чувствительным и чувственным. В то время как первое было легитимировано изящной словесностью, второе находилось за ее пределами. Чувствительность предполагала абстрагированность эмоции от телесной природы ее объекта, от реального конкретного человеческого чувства, перевод ее в сферу возвышенного. Тогда как сцена свидания Аннушки с Англантином у реки полна обратного движения — буквализации умозрительного представления в конкретном и телесном образе.

Вдруг на противоположном берегу затряслись кусточки, зашевелилась травка и Аннушка увидела Бога Амура, голенького шестнадцатилетнего мальчика, подобного, очень подобного Англантину. Он купался, плавал, нырял и не видал Аннушки, которая при сем случае легла в густую траву и сверяла со вниманием его прелести в написанными в книжке. Нашла их лучше, восхитительнее — так, что у бедной девушки хотело вылететь сердце («Аннушка», № 3: 143–144).

И в-третьих, Языкова возмущает отсутствие нравоучительного финала у повествуемой истории. Вместо картины заслуженно-

⁷ Ср. в «Евгении Онегине»: «Его ласкал супруг лукавый / Фобласа давний ученик» (ЕО, гл. I, стр. XII — Пушкин 1937: 10).

⁸ Ср.: «Когда Д. И. Языков с необычайной резкостью напал на “Журнал для милых” М. Н. Макарова, последний (И. И. Дмитриев — И. В.) даже поблагодарил его за “обличение пачкунов”» (Вацуро 1989: 143).

го наказания за аморальную чувственность или демонстрации исправления недостойных, герои этой повести продолжают вести легкую, бездумную, наполненную отнюдь не возвышенными удовольствиями жизнь. После некоторых перипетий они сочетаются браком, он заводит свору гончих и любовницу, она спешит в модную лавку и тоже имеет друга сердца. «И такую повесть пишут Россияне в XIX столетии!» — восклицает критик в отчаянии (Языков 1804: 260).

Однако с позиции издателей воспитание юношества отнюдь не входило в число задач журнала. Поэтому весьма вероятно, что для Макарова и его товарищей ни «Аннушка», ни «Победа над нимфами» не имели провокационного значения и уж тем более не ставили своей целью развращать «неопытную юность» и наносить тем самым «величайший вред Государству». Напротив, эти произведения вполне вписывались в общую концепцию развлекательного издания. И тогда «Аннушка» может быть понята прежде всего как шутивная, хотя и неумело написанная история⁹. Косвенных знаков установки именно на такую интонацию в повести довольно много. Это, например, сжатые характеристики героев, состоящие из одних штампов: отец героини, Иринарх, «довольно богатый дворянин, испытывавший все светские суеты, убитый роком, бедствиями» (№ 3: 140); «Аннушка была милая, прелестная тринадцатилетняя девушка, с дарованиями, с понятиями. Словом, Аннушка любила науки, сочиняла» (№ 3: 140); Англантин, «шестнадцатилетний мужчина, зараженный модным воздухом, испытывавший важнейшее в свете блаженство» (№ 3: 140). Это и явная ирония над персонажами: Иринарх имеет довольно большую библиотеку — более 300 книг, но любит после обеда слушать, как дочь читает ему «Бову». Примеры можно продолжить. Более того, нельзя исключить, что своего рода ответом на критику «Северного вестника» было стихотворение «Старики

⁹ Покровский вскользь отмечал, что эротизм повести «близо стоит как бы в преемственной связи с журнальной сатирической литературой XVIII в. и в особенности с “Зрителем” (1792) и С. Петербургским “Меркурием” (1793), блещущих изображением разврата» (Покровский 1905: 15). Не солидаризуясь с оценочной стороной данного замечания, подчеркнем, что связь с традициями сатирической журналистики в изображении чувственной сферы прослеживается и в других произведениях — например, «Решительный скачок или Брак нежного Петиметра Гос. Лау» (№ 4: 197–232, подп.: Д***. Лавров).

не любят**» (№ 5: 276), опубликованное в пятом номере за той же подписью, что и первая часть повести «Аннушка», — <40—а. 40—ъ>, с пометой «Из Малерба», непосредственно перед текстом второй части повести (№ 5: 277—289, подп.: Неизвестный).

Седые старики терпеть не могут шуток,
Сказал Милову Лелион.
Любовь и красота меж ими — промежуток.
Да что ж? — ведь правду молвил он;
Амура старики не любят, — и неложно,
Где тело ослабело — где мерзнет ала кровь,
Там жить любви невозможно;
Наставников Седых трепещет всех любовь.

Если эта повесть и была шуткой, то, как мы знаем, она не была принята не только Языковым. Фактически открестился от своих «сторонников» (по крайней мере, они сами себя таковыми считали) и И. И. Дмитриев (см. сн. 8 на с. 108 наст. изд.).

Неизменным в литературных кругах оставалось отношение к журналу Макарова и в дальнейшем, что вынудило его дважды — сначала в 1817, а потом в 1839 г. — фактически отречься от этого опыта. В своей статье «Худая участь дамских журналов в России» он называет этот проект «черным пятном своему пятнадцатилетию» (Макаров 1817: 220). В воспоминаниях о знакомстве с Дмитриевым, Макаров к себе более снисходителен и склонен представлять этот опыт как шутку: «Я был мальчик много семнадцати лет¹⁰, неопытный, неизвестный; я шалил, я дурачился, я начал писать и, Бог ведает отчего, произвел сам себя в писатели; а с тем вместе я хотел и знать, и видеть только одних писателей, и вот — узнал их, почти таких же, как я сам, писателей некрупных, не-

¹⁰ В первой из упомянутых статей Макаров настаивает, что на момент издания журнала ему было именно 15 лет: «В сообществе издателей Журнала для милых я был точно 15 лет...» (Макаров 1817: 220). В «Воспоминаниях...» указывает другой возраст — 17 лет. По-видимому, это еще один из примеров вольного обращения Макарова с фактами, включая и собственную биографию. Мистификация данных и фантазирование были одной из характерных черт и его этнографической деятельности. Судя по всему, он не видел в этом чего-то предосудительного. Так, можно предположить, что настойчивое заверение, что ему было «точно 15 лет», вызвано желанием связать свой образ издателя с эпиграммой В. Л. Пушкина «Какой-то стихотвор (довольно их у нас!)...», которую он тут же сам и приводит.

славных» (Макаров 1839: 359—360). И тем не менее, главная проблема и в то же время неосознанная заслуга молодых издателей «Журнала для милых» заключалась, как представляется, в том, что они слишком буквально восприняли провозглашенную Карамзиным и его соратниками установку на сближение с естественным языком, с реальностью. Тогда как для Карамзина реальностью была сфера возвышенных представлений, переданная слогом, организованная по нормам вкуса, то для Макарова и его товарищей реальность была понята как окружавшая их повседневная культура, в которой равно находилось место возвышенно чувствительному и чувственному, серьезному и иронично веселому. Очевидно, что для этой среды не стояла проблема приведения в соответствие повседневно-бытового и идеального, что способно было бы привести в биографию конкретного человека трагическое переживание своей жизни как лишённого гармонии бытия, что показал А. Л. Зорин на примере судьбы А. И. Тургенева (Зорин 2016). Но отсутствие или ограниченность вертикальной смысловой проекции компенсировалась в этой культурной среде движением вширь, проницаемостью или размытостью тех границ, которые накладывали на литературу попытки совмещения этического и эстетического. В результате, в тексте возникали и разговорная речь, и конкретная живая эмоция, придавая ему, несмотря на всю техническую неумелость, очарование непосредственного искреннего слова. И, не забывая о гигантском различии масштаба этических практик, тем не менее, нельзя не вспомнить обозначившееся — по историческим меркам довольно скоро — пушкинское неприятие строгих канонов благопристойности, как и его интерес к точкам соприкосновения литературной и жизненной реальностей.

Не странно ли в ученых изданиях встречать важные рассуждения об отвратительной безнравственности такого-то выражения и ссылки на *пикетных дам* (курсив автора)? — Не совестно ли вчуже видеть гоготенных профессоров, краснеющих от светской шутки? — <...> в одном журнале сильно напали на неблагопристойность поэмы, где сказано, что молодой человек осмелился войти ночью к спящей красавице. И между тем как стыдливый рецензент разобрал ее как самую вольную сказку Бокаччио или Касти — все перьб<ургские> дамы читали ее, и знали целые отрывки наизусть (Пушкин 1949: 98).

Так, неудачный литературный проект, каким и был в самом деле «Журнал для милых», в равной мере демонстрирует как сценарий упрощения и адаптации высокой словесности в массовом сознании, так и возможности этой гетерогенной культурной среды — возможности, пусть и неотрефлектированные ею самою. Неудачи данного проекта показывают, каким образом непосредственное и буквальное понимание карамзинских принципов «нового слога», соединяясь с традициями развлекательных изданий и сатирической журналистики XVIII в., переплавлялись в повседневную культуру средних слоев дворянского общества, составляя необходимый фон для высокой культуры и высокого искусства.

Литература

- Беньямин 2000 — *Беньямин В.* О понимании истории // Беньямин В. Озарения. М., 2000. С. 228–236.
- Булич 1902 — *Булич Н. Н.* Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века: в 2 т. Т. I. СПб., 1902.
- Вацуро 1989 — *Вацуро В. Э. И. И. Дмитриев* в литературных полемиках начала XIX века // XVIII век. Вып. XVI. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века / Отв. ред. А. М. Панченко. Л., 1989. С. 139–179.
- Виноградов 1935 — *Виноградов В. В.* Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л., 1935.
- Зорин 2016 — *Зорин А. Л.* Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX вв. М., 2016.
- Кочеткова 1994 — *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). СПб., 1994.
- Макаров 1817 — *Макаров М. Н.* Худая участь Дамских журналов в России (Статья, читанная в одном дружеском обществе) // Сын отечества. СПб., 1817. Ч. XXXIX. No 32. С. 219–225.
- Макаров 1839 — *Макаров М. Н.* Воспоминания о знакомстве моем с Дмитриевым // Галатея: журнал наук, искусств, литературы, новостей и мод. 1839. №5. С. 359–360.
- Максимов 1904 — *Максимов А. Г.* // Описание русских периодических изданий XIX века. «Осенние вечера» 1803 года и «Журнал для Милых» 1804 года. Историко-библиографическое исследование А. Г. Максимова. Оттиск из 4 и 5 кн. «Литературного Вестника» за 1903 год. СПб., 1904. С. 9–19.

- Покровский 1905 — *Покровский В.* Журнал для милых 1804–1904. М., 1905.
- Пушкин 1937 — *Пушкин А. С.* Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 6. Евгений Онегин. 1937.
- Пушкин 1949 — *Пушкин А. С.* <О новейших блюстителях нравственности> // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. 1949. С. 98–99.
- РПП 1959 — Журнал для милых [М., 1804] // Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник / Под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепанова. М., 1959. С. 111–112.
- Степанов 1994 — *Степанов В. П.* Макаров Михаил Николаевич // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3: К–М. М., 1994. С. 468–470.
- Языков 1804 — <*Языков Д. И.*> «Журнал для милых», издаваемый в Москве. 1804 г. // Северный вестник. 1804. Ч. 3, № 8. Раздел XI: Российские книги. С. 259–261. (подп.: Я —).

I. Vasileva Charge for Ingenuousness, or about an Unsuccessful Literary Project

Keywords: Russian periodicals of the early 19th century, everyday culture, Mikhail N. Makarov, sentimentalism, literary project, feminine magazines.

«Zhurnal dlya milykh» [Magazine for darlings] (1804) is a literary project started by several youngsters. Their publications were rather mediocre and gave rise to criticism they deserved. However, the failure of this project demonstrates how the literal comprehension of the Karamzin's principles of «the new style» together with traditions of entertaining periodicals and satiric journalism of the 18th century created everyday culture of the Russian gentry, and this culture was a necessary background of high art.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Часть 1

**УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
К КУРСАМ ОСНОВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ
(РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА) ПО УРОВНЮ БАКАЛАВРИАТ
ПО НАПРАВЛЕНИЮ (СПЕЦИАЛЬНОСТИ) 45.03.01 ФИЛОЛОГИЯ**

**[015939] Филологический просеминар
Philological Proseminar**

Александр Анатольевич Карпов. Библиографический указатель...	11
--	----

**[015280] История русской литературы XVIII века
History of Russian Literature: 18th Century**

П. Е. Бухаркин. Две Федосьи второй половины XVIII столетия.....	26
Е. М. Матвеев. Машина времени осмнадцатого столетия: путешествие в античность и обратно	37

**[015279] История русской литературы I половины XIX века
History of Russian Literature: 19th Century, First Half**

Н. А. Карпов. Романтизм как ментальное противоречие.....	54
Е. Е. Дмитриева. Почти как в России: усадьба, ставшая местом изгнания «славной госпожи де Сталь»	65
М. В. Строганов. Пушкин и Гоголь в селе Страшевичи.....	76
С. В. Денисенко. Борис Лавренев и Александр Пушкин.....	89

**[058941] Межтекстовые отношения в русской литературе
первой трети XIX века (электив)**

**Intertextual relations in Russian literature of the first third
of the XIX century (elective course)**

И. Э. Васильева. Плата за непосредственность, или история одного неудачного литературного проекта	98
М. Н. Виролайнен. Полигенетичность как конструктивный принцип поэтики Пушкина («Руслан и Людмила»).....	114
В. А. Кошелев. «Бедуин».....	124

Д. В. Токарев. Видение Аркадия: парадоксы визуальной репрезентации в повести Николая Полевого «Живописец»	136
Ф. Н. Двинятин. Тигр, агнец, Белинский и Блейк.....	151

**[015282] История русской литературы
II половины XIX века (1 часть)
History of Russian Literature:
19th Century, Second Half, Part 1**

М. В. Отрадин. Моральное право на «дерзость» (о книге И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”»)	154
Е. Д. Толстая. Вброд по «Вешним водам»: мотивика Тургенева	164

**[111821] Проблемы творчества Ф. М. Достоевского (электив)
Problems of Dostoevsky's Creative Art (elective course)¹**

С. В. Савинков. К семиотике середины в творчестве Ф. М. Достоевского: о положении «на равной ноге» в «Скверном анекдоте» и «Записках из подполья»	179
Т. И. Печерская. Нарративная провокация Свидригайлова, или Сон наяву	187
А. А. Фаустов. Лишний – значит чужой: об одной характерологической аномалии в творчестве Ф. М. Достоевского	194
И. В. Немировский. Несколько штрихов к проблеме <i>Достоевский и Герцен</i> : из творческой истории «Бесов».....	208
Г. Е. Потапова. О тараканах, пауках, «мухоедстве» и антропофагии, или К вопросу о литературных отношениях Ф. М. Достоевского и В. Ф. Одоевского	220

**[015281] История русской литературы
II половины XIX века (2 часть)
History of Russian Literature:
19th Century, Second Half, Part 2**

А. Д. Степанов. Некоторые особенности чеховской топики	236
В. Шмид. Постреализм в прозе Чехова	248

**[015283] История русской литературы начала XX века
History of Russian Literature: Early 20th Century**

С. Д. Титаренко. Феноменология и поэтика памяти: поэмы «Старинные октавы» Дмитрия Мережковского и «Младенчество» Вячеслава Иванова	258
--	-----

¹ К еще одному юбилею (к 200-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского).